

15. Thilo Sarrazin dominiert auch Weihnachten den Sachbuchmarkt. – Режим доступа: <http://www.stern.de/news2/aktuell/thilo-sarrazin-dominiert-auch-weihnachten-den-sachbuchmarkt-1635595.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. нем.

16. Vom internationalen Studierenden zum hoch qualifizierten Zuwanderer. Ein Vergleich der rechtlichen Rahmenbedingungen in fünf Staaten der Europäischen Union. – Режим доступа: <http://www.svr-migration.de/content/wp-content/uploads/2011/11/Studie-Value-Migration-Nov-2011.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. нем.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ТЕОРИИ ФРОНТИРА В РАМКАХ НОВЫХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ XX в.

О.С. Якушенкова
(Россия, Астрахань)

Данная статья анализирует основные подходы к изучению проблемы фронта в западной историографии. Отталкиваясь от географического и цивилизационного подходов к данной проблеме, автор показывает, как новые теории второй половины XX в. формируют новые взгляды на феномен фронта. Особый вклад в понимание фронта, по мнению автора, вносят такие направления, как постколониальная теория и теория культурных контактов (Cultural encounter), особенно в анализе проблемы Чужого. Именно понимание фронта сквозь призму контактов с Чужим позволяет расширить субъектно-объектные параметры феномена фронта.

The Article analyzes the main approaches to the study of Frontier phenomena in the West historiography. Based on the geographical and civilizational approaches to this problem, the author shows how the new theories of the second half of the twentieth century form new perspectives on the phenomenon of the Frontier. Due to the author's opinion, special contribution to the understanding of the Frontier was made by such theories as post-colonial theory and the Cultural encounter theory, especially in analyzes of the problem of the Alien. This understanding of the Frontier through the prism of contacts with the Alien allows us to extend the subject-object parameters of this phenomenon.

Ключевые слова: фронт, Ф. Тёрнер, американская история, Дикий Запад, постколониальная теория, теория культурных контактов, Чужой.

Key words: frontier, F. Turner, American History, Wild West, Post-colonial theory, the Cultural-encounter, the Alien.

На протяжении всемирной истории можно выделить периоды, в которые происходило соприкосновения двух и более разных по развитию культур. Такие локальные точки напряженности зачастую имеют довольно большую временную протяженность и охватывают значительные географические территории.

Традиционно в англоязычной литературе такие территории принято называть термином «фронт». Впервые это слово было использовано как научный термин в конце XIX в. по отношению к огромной территории в центре Северной Америки, где происходила колонизация новых земель. Хотя этот вопрос подробно изучен в американской литературе, вместе с тем даже беглый анализ работ по данной теме показывает, что этот термин, как и сам феномен, далек от определенности. В силу значимости этого исторического явления и возможности его сопоставления с другими периодами в истории человечества, происходящими в других точках Земного шара, термин этот активно употреблялся еще с первой половины XIX в. по отношению к ряду индийских территорий [13, 26]. Современные ученые, пишущие по истории Индии или Афганистана, продолжают активно использовать этот термин. Приблизительно с начала 60-х гг. фронт начал изучаться отечественными учеными, а в 90-е гг. XX в. этот термин стал активно применяться и для обозначения некоторых территорий России, прежде всего Сибири [1, 5, 7, 19].

Само по себе английское слово «фронт» произошло от французского *frontiere* и означало границу между двумя странами. Во Франции XV в. оно первоначально употреблялось в значении «фронт» (линия боевых действий), так как именно в этот период в Европе происходит активное формирование новых границ в рамках отношений не только с европейскими странами, но и со странами Востока. По мнению английского политолога Джереми Блэка, в более ранний период четких границ между европейскими странами по большей части не было, так как никакой демаркации

не проводилось [10, 19]. Параллельно с понятием фронта, т.е. границы (англ. *borderland, boundary*), в европейских языках существовал и другой термин для обозначения пограничной территории – марш или марка (англ. *march*), т.е. метка, знак, в то время как демаркация – проведение этой границы между странами или территориями. Нет ничего удивительного, что сам термин марш или марк(а) имел в европейских языках оттенок чего-то асоциального. Эта территория управлялась маркизом, который в силу своего пограничного состояния, как правило, обращал мало внимания на власть короля¹. И хотя постепенно термин «фронт» вытеснил термин «марш», именно этот асоциальный характер пограничья продолжал превалировать в определении этой территории.

Не можем мы обойти вниманием еще один термин для обозначения границы или фронта, восходящий еще к древнеримской традиции, – это лимес (лат. *limes* – предел, граница, но *limen* – ворота, порог, но и дом, обитаемое место, а также граница, предел, ср. русское лимит – предел, ограничение). В действительности римский лимес представлял собой полосу укрепленных фортов с небольшими отрядами для защиты внутренней территории страны от проникновения варваров.

Современное значение термина фронт унаследовало все эти аспекты. До сих пор под фронтом понимают различные явления, объединенные, правда, значением границы: 1) фронт – это территория между двумя государствами; 2) фронт – территория между заселенными и незаселенными пространствами [23, 28]; 3) фронт – передовая часть чего-то, некий авангард².

Если первое определение происходит из политологических наук, то второе в большей степени отражает традицию географическую. Первое определение можно назвать эгалитарным, так как оно постулирует несколько равных субъектов права, второе определение – дисбалансным, так как исходит из неравенства между территориями по обе стороны границы (заселенная / незаселенная; цивилизация / варварство и т.д.). Его также можно назвать цивилизационным. Именно в рамках такого подхода к определению фронта «демаркация» проходит по оппозиции цивилизация: варварство. Третье определение является символическим и в большей степени имеет отношение к семантике этого слова, так как указывает на некую передовую линию или границу.

Об особом феномене фронта впервые заговорил Ф. Дж. Тернер (1861–1932). На встрече Американской исторической ассоциации в 1893 г. он выступил с докладом под названием «Значение фронта в американской истории» [37]. Изучая американскую историю, Тернер приходит к выводу, что европейское наследие сказалось лишь на начальных этапах складывания американского общества, а собственно национальные корни следует искать в освоении Дикого Запада (Old West, Old Northwest). По мнению Тернера, именно наличие Дикого Запада и стремление колонистов постоянно осваивать новые территории повлияло на формирование американской ментальности, выразившейся в особом духе свободы, мобильности, авантюризме и т.д. Вне сомнения, Тернера можно считать первым ученым, кто обозначил проблему фронта с точки зрения его онтологии и аксиологии. До Тернера фронт в значительной степени рассматривался как череда военных столкновений, а его экономическая и социальная составляющая в расчет не брались [3, 36].

Как указывал Р.А. Биллингтон, автор следующего по значимости труда, посвященного фронту, концепция Тернера была своеобразным вызовом старым научным подходам, исключавшим влияние фактора окружающей среды из анализа общественных институтов. Таким образом, изучая фронт, Тернер и Биллингтон пытались привнести новое видение старой проблемы, выявив причину, которая так кар-

¹ Именно это отношение к могуществу маркиза по сравнению с королем нашло свое отражение в известной сказке Шарля Перро «Кот в сапогах», появившейся на свет в 1697 г.

² Очень часто в этом значении этот термин используют для определения передовых или пограничных направлений наук [18, 27].

динально повлияла на формирование ментальности американцев, их политические и социальные институты [1, 9].

В одной из своих ранних работ в 1897 г. Тернер пояснял: «Дикий Запад, историческая Северо-западная территория сейчас является Центральным регионом Соединенных Штатов, а еще век назад это была сплошная дикость (wilderness), прерываемая лишь немногочисленными французскими поселениями и деревушками американских поселенцев вдоль реки Огайо и ее притоков... Сегодня этот район является краеугольным камнем американского содружества. С 1860 г. большая часть населения Соединенных штатов проживает в его пределах. Из семи президентов, избранных в США с 1860 г., 6 были выходцами с Дикого Запада, и лишь седьмой из них был родом из района к Западу от Нью-Йорка» [9, с. 433]. Вполне очевидно, что Дикий Запад и его население символизировали для Тернера силу, мощь и процветание Америки.

Вместе с тем, еще в своем первом докладе Ф. Тернер указывал на некое противоречие в видении фронта – в одном из отчетов Департамента статистики он обнаружил следующие слова, принадлежащие управляющему этого департамента: «До 1880 г. страна имела границу (frontier) поселений, но в настоящий момент незаселенная территория повсюду разбавлена изолированными островками поселений, что вряд ли теперь уже можно говорить про линию фронта» [1, 37].

Таким образом, Тёрнер и его предшественники воспринимали фронтир как линию между английскими-французскими-американскими поселениями и незаселённой территорией. Но точнее было бы утверждать, что фронтир – это граница между белыми поселениями и территорией индейских племен. К сожалению, Тёрнер и многие его последователи говорят об этом вскользь. Взгляд Тёрнера на фронтир – это взгляд белого на Америку, в которой нет места её предыдущим насельникам.

По сути, в своем видении фронта Тернер следовал уже сложившимся в американской фискальной системе представлениям о фронтире как о слабозаселенной территории. Бюро Переписи США в 1790 г. определило фронтир как местность, на которой плотность населения не менее двух и не более шести постоянных жителей на квадратную милю [3, 9].

Фронтир для Тёрнера и его предшественников есть линия между цивилизацией и ее отсутствием или дикой природой. Недаром Запад – это не просто территория к западу, он дикий (см. словосочетание «Дикий Запад»), т.е. противостоящий цивилизованному Востоку, откуда и устремлялись волны переселенцев.

Вполне закономерно, что и следующее поколение американских историков следовало той же самой модели восприятия фронта, лишь несколько модифицируя ее. Если Тернеру был интересен сам феномен фронта, его роль в формировании новой нации, то Биллингтон все свое внимание сконцентрировал на типологизации фронта. В основу его классификации был положен социально-экономический подход, разделение труда и перемещение трудовых ресурсов и капитала по стране.

В основу своей классификации он положил географическое расположение фронтирной линии, хозяйственную доминанту в тот или иной период и т.д. Так появились трапперский, торговый, шахтерский (старательский), скотоводческий, фермерский и т.д. фронтиры.

Географический детерминизм Биллингтона и его преданность цивилизационной роли американцев в освоении континента видны из его следующих слов: «Англо-американский фронтир – географическая область, непрерывно перемещающаяся на протяжении трех столетий от побережья Атлантического океана к побережью Тихого. Здесь располагалась внешняя граница одиночных поселений, точка встречи первобытности и цивилизации, зона, где цивилизация входит в дикость» [3, 9].

Можно было бы до бесконечности продолжать этот перечень американских специалистов по фронтиру [11, 14, 15, 16, 17, 20, 23, 24, 25, 33] – большинство из них, как правило, унаследовало тёрнеровский принцип фронта, лишь усовершенствовал его, рассмотрев на свой лад, не отходя от главного: фронтир есть некий предел цивилизации, где она встречается с дикостью.

Объяснение этому географическому детерминизму в трудах американских ученых мы находим в описании ментальности американцев, сделанном известным американским историком Даниэлем Дж. Бурсином: «В первое столетие своего национального существования американцы жили, не имея границ, на бесчисленных островах неопределенных очертаний. Продвижению на запад не было предела. Вся американская жизнь, как и сама нация, отличалась отсутствием четких границ. Континент был покрыт полутеньями, состоящими из знакомого и неизвестного, факта и мифа, настоящего и будущего, местного и чужеродного, добра и зла» [2, с. 284–285].

Возможно именно это отсутствие «границы» как таковой и порождало стремление американских ученых найти ее, придать ей зримые очертания. В этом поиске фронтир выступал таковой границей *par excellence*, превращающейся из территории или института в некий национальный символ.

В 80-е гг. XX в. в западной науке сложились новые методологические теории, позволившие взглянуть на феномен фронтира с иных точек зрения. В значительной степени эти подходы были порождены постмодернистскими научными парадигмами, призывавшими отказаться от однополярного взгляда на исторические и культурные процессы. Все это привело к появлению новых методологических подходов: феминистской и даже постфеминистской теорий, постколониальной теории, теории меньшинств (*Subaltern studies*) и т.д. Все перечисленные теории пытались построить многополярные научные парадигмы, где бы повествование и изучение осуществлялось с позиции пересмотра субъектно-объектных отношений. В этом плане особенно показательна постколониальная теория. Во многом эта теория возникла под влиянием теории деконструкции [39], нашедшей свое отражение в трудах постмодернистов. Многие сторонники постколониальной теории были выходцами из бывших колониальных стран. Это давало им возможность и право говорить от лица колониальных народов. Таковыми были Ф. Фанон, Э. Саид, Г. Спивак и др. Всех их объединяло одно – недовольство тем, что истории их народов написаны западными авторами. Европейский взгляд на историю, с их точки зрения, есть всего лишь «попирающая массу материала общая совокупность идей, неоспоримо пропитанных идеями европейского превосходства, разного рода расизма, империализма и тому подобное, догматическими взглядами по поводу «восточного человека» как своего рода идеальной и неизменной абстракции» [6, 17]. Один из основоположников постколониальной теории Р. Янг во введении к своей работе «Белые мифологии» писал, что истории «могут быть рассказаны в разных формах, доказаны по-разному, обдуманы с разных точек зрения» [1, 39]. Не может быть одной истории, а есть множество равнозначных историй одного и того же процесса. С точки зрения этих ученых, история третьих стран, как наука, созданная западными учеными, есть миф [2, 39] или всего лишь имажинативная (т.е. воображаемая, а не реальная) история¹.

Применяя метод деконструкции и используя марксистскую критику колониальной истории, они пытались переосмыслить традиционный взгляд на исторические процессы, отойдя от привычных эволюционистских стереотипов в социальных науках. Это дало возможность выработать новые методологические подходы и к теории фронтира, в которой уже отсутствовал однолинейный взгляд на столкновение культур разного уровня развития.

Другой особенностью нового научного дискурса было то, что многие ученые, использовавшие деконструкцию или стоявшие на постколониальных позициях, пришли в социальные науки из литературоведения. Таковыми были Ж. Деррида и Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко читал курс по французской литературе в 50-х гг. в Упсале, Ж. Делез написал ряд литературоведческих работ. Каждый из них по-своему стремился привести в

¹ «Имагинативное исследование Востока основывалось более или менее исключительно на полновластном западном сознании, из неоспоримой центральности которого появился восточный мир – вначале в соответствии с общими идеями о том, кто или что такое восточный человек, затем в соответствии со скрупулезной логикой, направляемой не одной только эмпирической реальностью, но и сонмом желаний, репрессий, инвестиций и проекций» [6, 17].

теорию культуры новые методологические подходы, которые помогли бы раздвинуть эпистемологические горизонты гуманитарных дисциплин. Эту традицию продолжили и многие постколониальные теоретики: Э. Саид [22] и Г. Спивак, Х. Бхабха [8, с. 291–321] и др. Изучая литературный дискурс колониального периода, они осознали всю слабость социальной теории и историографии западной истории. Это привело их к необходимости деконструкции западной истории с позиций видения колониальных народов.

Соединение философии, литературоведения, политологии и теории культуры дало толчок к разработке новых методологических подходов в исторической науке. В последнее десятилетие XX в. под влиянием постколониальной теории появляются такие новые научные направления, как теории культурных контактов (Cultural encounter studies), малых групп (Subaltern studies), телесности (Body Studies) и т.д. Все они дают возможность по-новому взглянуть на историю фронта, выявить ранее незамеченные особенности культурных процессов на фронте.

Особую роль среди новых направлений в теории культуры, которые помогают по-новому взглянуть на историю фронта, играют теории культурных контактов и примыкающая к ней теория или точнее проблема Другого / Чужого. Отход от цивилизационного подхода, осуществляемый в вышеуказанных методологических направлениях, позволил иначе взглянуть на проблему пограничья, встречи разных культур. Для ученых этих направлений проблема цивилизации / дикости контактирующих народов не играла никакой роли, даже, напротив, являлась вредной, с их точки зрения. Для них было важно выявить процессы, происходящие в этих контактах, выявить законы, по которым встреча культур осуществляется. Для них была важна не аксиология процесса, так как во многом она была очевидна, а феноменология фронта, выраженная через встречу или через образы Чужого. Поэтому многие ученые пытались пересмотреть сложившиеся стереотипы субъектов фронтерных процессов, прибегнув к широкомасштабному пересмотру нарративных источников. В последнее время появляется все больше работ, посвященных проблеме культурных контактов на фронте. Среди исследователей, обратившихся к данной проблеме, можно назвать Э. Виберт [38], Л. Шлиссель [31], Г. Райли [30], С. Слиппер-Смит [32], К. Лайтфута [21], М. Тейта [34], С. Кастильо [12] и др.

Правда, следует признать, что в данном направлении не было ни единой методологии, ни единых подходов. Изучались лишь контакты как некая система отношений, которые рассматривались с разных точек зрения и разными методами: социологии, социальной антропологии, теории малых групп и, конечно, постколониальной теории. Типичным примером подобных исследований может служить работа уже упомянутой Гленды Райли «Забирая землю, ломая землю: женщины колонизируют американский Запад и Кению». В этой работе американская исследовательница проводит сравнительный анализ фронта в Америке и в Кении для выявления общих моментов феномена фронта. На основании анализа многочисленных источников в обеих странах она приходит к парадоксальному выводу, что участие женщин в освоении фронта, а точнее в осуществлении культурных контактов, было очень велико. Хотя роль женщины на фронте в значительной мере отличалась от роли мужчины, но ее «удельный вес» был огромен. Если мужчины, по ее мнению, закрепощали тело коренного населения на фронте, то женщины «колонизировали ум» [29, 13].

Такой подход кардинальным образом меняет Тернеровское и Биллингтоновское представления о фронте. С точки зрения Г. Райли, следует отойти от географического детерминизма старой американской историографии, как главной парадигмальной характеристики фронта. Не следует замыкаться и на фронте как особом процессе, хотя «большинство западных ученых в основном признают, что вторым элементом фронта и является процесс, означающий, что люди из другого региона или нации переселяются на новые места, где пытаются контролировать и доминировать над местным населением, эксплуатировать ресурсы и направлять экономическую, политическую и культурную жизнь» [29, 22].

С точки зрения Г. Райли, следует говорить не о двух составляющих фронта, а о четырех аспектах: философском (фронт, как особая идеология), географическом (фронт, как определенное место), историческом (фронт, как процесс), социально-экономическом (фронт, как особый продукт). Такое видение фронта в значительной мере расширяет как само понимание фронта, так и намечает новые проблемы. Трудно не согласиться с таким подходом, однако следует заметить, что как бы ни критиковала Райли западных ученых, ее подход к изучению фронта является плотью от плоти колониальным, хотя и может рассматриваться в рамках постколониальной теории. Говоря о фронте, как особой философии, американская исследовательница тем самым сужает проблему фронта до философии западного человека. В философии фронта не рассматриваются, да и не могут быть рассмотрены идеи коренного человека на данную проблему. Правда, следует признать, что сам автор осознает это, заявляя, что четырехсоставное деление фронта хоть и продуктивно, однако автоматически «не означает, что аборигенное население определит фронт таким же образом, или с помощью тех же четырех ступеней» [25, 29]. И все же такой подход можно считать наиболее продуктивным, позволяющим выявить самые различные аспекты фронта как феномена.

Особую роль в понимании фронта играют различные подходы к изучению феномена Другого / Чужого. Может быть именно в этой пограничности встречи с Другим (Чужим) и кроется онтологическая составляющая процессов, происходящих на фронте. Фронт – это всегда встреча с Другим, постижение его в состоянии экстремальном, порой на грани жизни и смерти, или, используя терминологию Левина, «лицом к лицу» [4, с. 77–78].

Очень важный анализ Другого и Чужого, необходимый для понимания фронта, мы находим у Бернхарда Вальденфельса. Говоря о Чужом, он указывает на его вынесенность за пределы собственного мира – *externum* [3, с. 125], т.е. «*ex terra*» – находящийся за пределами земли. Он всегда представляется чем-то экстравагантным, странным, гетерогенным. Характеристиками Чужого, по Вальденфельсу, являются «места, владения, образы и способы бытия» [3, с. 125]. Правда, по нашему мнению, данный исследователь упустил еще один параметр Другого (Чужого) – его темпоральные характеристики. Анализ отношений Другого и Времени мы находим у Э. Левина. У него непознаваемость Другого выражается через танатологический мотив будущего. Также, как непостижимы смерть и любовь, также непостижимо и «будущее, даваемое нам смертью» [4, с. 80–81].

Как нам кажется, именно феноменологический анализ Чужого, проведенный Б. Вальденфельсом, помогает наиболее глубоко понять как феномен фронта, так и процесс культурного взаимодействия субъектов этого процесса – коренных жителей и европейских мигрантов. Попытаемся суммировать наше понимание фронта, основываясь на постколониальной теории Чужого и феноменологии Б. Вальденфельса.

В трех вышеперечисленных аспектах Чужого мы находим и три основных параметра фронта: пространство, его ресурсы, образ его жителя. Добавив левинское Время, мы получим и полный комплект характеристик фронта и Чужого на фронте: локус, темпоральность, экономика, *modus vivendi*.

Локус фронта – это его особое свойство, оно имеет ярко выраженные онтологические и гносеологические черты. Этот подход позволяет отличать фронт от схожих явлений (граница, марш, лимес и т.д.): граница – это то, что разделяет, фронт – объединяет, граница ограничивает контакты, фронт обязывает их, навязывает и организует в зависимости от обстоятельств (условий). Фронт даже в значении фронта (военного) предполагает столкновение, взаимодействие, в конечном итоге мир.

Если граница интерриториальна, то фронт экстерриториален, он *externum* (чужой, чужеродный, дикий, относящийся к иному времени и т.д.). В силу этого фронт всегда чужой, граница своя. Если на границе четко определен порядок, она максимально институализирована, то фронт – хаотичен, нерегламентирован, чужероден. Лимес и граница выступают пределом, фронт же является передовой – фронтом, где нет четкой границы, он определяется только физическими возможностями сторон, и не является институализированной линией.

Темпоральность фронта также является сложным феноменом, требующим пояснения. Если сегодняшнее понимание слова «фронт» предполагает некий передний край (часто науки), определяющий ее будущее направление, то фронт в XIX в. – это некая символическая линия временного разлома, по одну сторону от нее располагаются люди настоящего (европейцы, наделенные всеми чертами цивилизованных народов), то по другую сторону живут люди, символизирующие прошлое (дикость, варварство и т.д.). На фронте прошлое и настоящее тесно переплетаются, формируя свой временной континуум, где выкристаллизуется будущее – недаром, для Тернера фронт – место, где формировалась будущая Америка. Возможно, это имело место на самом деле, ведь процесс формирования городов, появление технических новинок происходил здесь особенно быстро, не так как на Востоке, где эволюционные процессы были менее заметны. На Диком Западе этот переход принимал резкие, революционные формы.

Экономическая составляющая фронта не требует особых пояснений, это территория неограниченных возможностей, так как у самого фронта нет пределов. Здесь перед всеми людьми (по обе стороны цивилизационного разлома) открываются новые возможности, так как все они являются носителями новых ресурсов: аборигены обладают природными ресурсами, белые – технологическими новинками и т.д. Конечно, при всем кажущемся равноправии всех участников, одни всегда оказываются в предпочтениях, так как одна сторона в большей степени заинтересована в ресурсах.

Модус вивенди фронта всегда особый. Это не является исключением для всех его участников – и белых, и аборигенов. Фронтирмен – всегда Чужой, даже для своих. В этом плане показателен образ Кожаного Чулка, нарисованный Фенимором Купером. Абориген же всегда выступает максимально Чужим, так как во всех отношениях пограничен (морально, духовно, алиментарно, вестиментарно и т.д.). Именно поэтому он язычник, поганый (от лат. «паганос» – язычник), басурманин и т.д. Его модус вивенди в глазах прибывших всегда аксиологически окрашен, и чаще всего в негативный цвет.

Список литературы

1. Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров / А. Д. Агеев. – М. : Аспект-Пресс, 2005.
2. Бурстин Д. Дж. Американцы: национальный опыт / Д. Дж. Бурстин. – М., 1993.
3. Вальденфельс Б. Мотив Чужого / Б. Вальденфельс. – Минск : Профили, 1999.
4. Левинас Э. Время и Другой / Э. Левинас. – СПб., 1998.
5. Резун Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв: общее и особенное / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский. – Новосибирск, 2001.
6. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб., 2006.
7. Чернавская В. Н. «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII в.: историко-историографические очерки / В. Н. Чернавская. – Владивосток : Дальнаука, 2003.
8. Bhabha H. DissemiNation: time, narrative, and the margins of the modern nation / H. Bhabha // Nation and Narration. – N.-Y. : Routledge, 1990.
9. Billington, R. A. Westward Expansion: A History of the American Frontier / R. A. Billington. – N.-Y., 1960.
10. Black J. Boundaries and Conflict: International relations in ancient régime Europe / J. Black // Eurasia: World Boundaries. Ed. by C. Grundy-Warr. – London, 1994.
11. Bogue A. G. Frederick Jackson Turner: Strange Roads Going Down / A. G. Bogue. – Norman : University of Oklahoma Press, 1988.
12. Castillo S. Colonial encounters in New World writing, 1500–1786: performing America / S. Castillo. – N.-Y. : Routledge, 2006.
13. Cotton S. Nine years on the north-west frontier of India from 1854 to 1863 / S. Cotton. – London, 1868.
14. Etulain R. W. Writing Western History: Essays on Major Western Historians / R. W. Etulain. – University of Nevada Press, 2002.
15. Hine R. V. The American West: A New Interpretive History / R. V. Hine, J. M. Faragher. – New Haven, 2000.
16. Hofstadter R. The Progressive Historians – Turner, Beard, Parrington / R. Hofstadter. – Chicago, 1979.

17. Jensen R. «On Modernizing Frederick Jackson Turner» / R. Jensen // *Western Historical Quarterly*. – 1980. – № 11. – P. 307–320.
18. Kaneda Y. *Frontiers of Computational Science: Proceedings of the International Symposium on Frontiers of Computational Science* / Y. Kaneda, H. Kawamura, M. Sasai. – 2007. – Springer.
19. Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire* / M. Khodarkovsky. – Bloomington : Indiana University Press, 2004.
20. Lamar H. R. *The New Encyclopedia of the American West* / H. R. Lamar. – Yale University Press, 1998.
21. Lightfoot K. *Indians, Missionaries, and Merchants: The Legacy of Colonial Encounters on the California Frontiers* / K. Lightfoot. – Berkeley : University of California Press, 2004.
22. *Literature and Society* / ed. E. L. Said. – The Johns Hopkins University Press, 1980.
23. Milner Clyde A. *Major Problems in the History of the American West* / Milner Clyde A. 2nd ed. – Houghton Mifflin Harcourt, 1997.
24. Nichols, R. L. ed. *American Frontier and Western Issues: An Historiographical Review*. – Greenwood Press, 1986.
25. Paxson F. *History of the American Frontier, 1763–1893* / F. Paxson. – Boston, 1924.
26. Pemberton R. B. *Report on the eastern frontier of British India: with an appendix and maps* / R. B. Pemberton, G. Th. Bayfield. – Calcutta, 1835.
27. Pinto J. K. *The Frontiers of Project Management Research* / J. K. Pinto. – PMI publishing, 2002.
28. Prescott V. *International Frontiers and Boundaries: Law, Politics and Geography* / V. Prescott, G. D. Triggs. – Leiden, 2008.
29. Riley G. *Taking Land, Breaking Land: Women colonizing the American West and Kenya* / G. Riley. – Albuquerque : University of New Mexico Press, 2003.
30. Riley G. *Women and Indians on the frontier, 1825–1915* / G. Riley. – Albuquerque : University of New Mexico Press, 1984.
31. Schlissel L. *Far from Home: Families of the Westward Journey* / L. Schlissel, B. Gibbens, E. Hampsten. – Lincoln, University of Nebraska Press, 2002.
32. Sleeper-Smith S. *Indian women and French men: rethinking cultural encounter in the Western Great Lakes* / S. Sleeper-Smith. – Boston : University of Massachusetts Press, 2001.
33. Slotkin R. *Regeneration through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600–1800* / R. Slotkin. – University of Oklahoma Press, 1973.
34. Tate M. *Indians and emigrants : encounters on the overland trails* / M. Tate. – Norman : University of Oklahoma Press, 2006.
35. Turner F. J. *Dominant forces in West life* / F. J. Turner // *The Atlantic monthly* 79 (474). – University of Northern Iowa.
36. Turner F. J. *The frontier in American history* / F. J. Turner. – N.-Y., 1996.
37. Turner F. J. *The Significance of the Frontier in American History* / F. J. Turner. – N.-Y., 1893.
38. Vibert E. *Trader's Tales: Narratives of Cultural Encounters in the Columbia Plateau, 1807–1846* / E. Vibert. – Norman : University of Oklahoma Press, 1997.
39. Young R. *White Mythologies: Writing History and the West* / R. Young. – N.-Y., 1990.

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ

У.К. Шихалиева
(Россия, Махачкала)

Статья посвящена определению основных функций религии, а также непосредственному влиянию религии на мировоззрение. Автор раскрывает сущность и механизм манипулирования массовым сознанием, посредством религиозного фактора, рассматривает и глубоко анализирует генезис и развитие манипулятивных функций религии. В статье, на конкретных примерах, продемонстрировано влияние религии на политическую и идеологическую ситуацию не только в стране, но и в мире.

The article is devoted to defining the basic functions of religion, as well as the direct influence of religion in the world. The author reveals the essence and mechanism of manipulation of mass consciousness, through the religious factor, reviews and deeply analyzes the genesis and development of the manipulative functions of religion. In the article, with specific examples, demonstrate the influence of religion on political and ideological situation not only in the country, but in the world.

Ключевые слова: СМИ, экстрасенсорика, толерантность, псевдорелигиозность, исламофобия, внутригрупповая интеграция, поликонфессиональность.

Key words: mass media, extrasensory, tolerance, islamofobia, intra – group integration, multi-confessionalism.